

Заглавная буква в «Бесах», или почему нельзя править Достоевского

Достоевский придавал важное значение заглавной букве. Нередко в одном предложении или абзаце одно и то же слово писалось то с прописной, то со строчной буквы. Это понятно, когда строчные и прописные буквы позволяют различать значения слова, но выглядит странно, когда слово в одном и том же значении пишется то с прописной, то со строчной буквы.

Эти нюансы авторской орфографии исчезли почти во всех современных изданиях «Бесов»¹. Без тени сомнений текстологи и редакторы правят автора.

Насколько допустима эта правка?

Семантическая дифференциация слов прописной и строчной буквой возникает прежде всего в философских диспутах героев, и не случайно эти эпизоды становятся ключевыми сценами в каждой из трех частей романа.

В главе «Чужие грехи», в третьей главе первой части романа, Кирилов излагает повествователю причины, по которым «умирать страшно».

Первая — «больно», вторая — «тотъ свѣтъ».

Повествователь, «господинъ Г-въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой человѣкъ», переспрашивает:

«— То есть наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?» (Θ. Д., IX, 113).

Кирилов пытается объяснить:

«Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ тотъ самъ Богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало-быть тотъ Богъ есть же по вашему?» (Θ. Д., IX, 114).

Позиция Кирилова парадоксальна:

«— Его нѣтъ, но онъ есть» (Θ. Д., IX, 114).

Кирилов продолжает:

«Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ

¹ Авторская орфография сохранена в следующих изданиях: 1) *Бесы*1990; 2) *Д18*; 3) Θ. Д., IX; *Бтсы*2010.

Богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человекъ, все новое... Тогда историю будутъ дѣлать на двѣ части: отъ Гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до...

— До Гориллы?

— ...До перемѣны земли и человека физически. Будетъ Богомъ человекъ и перемѣнится физически. И миръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человекъ физически?» (Ө. Д., IX, 114).

Во всехъ приведенныхъ примерахъ обращаетъ внимание «некорректное» употребление заглавной буквы в печатномъ воспроизведении устной речи героя. Заглавная буква должна бы различать значения словъ «самъ богъ» и «тотъ Богъ». Написание «тотъ самъ Богъ» и его вариации («тотъ самъ Богъ будетъ», «Будетъ Богомъ человекъ») ошибочны с точки зрения орфографическихъ правил: атеистическую подмену Бога человекомъ следовало бы обозначить строчной буквой, имя Творца писали всегда с прописной буквы. Правописание местоимений в отношении Высшего Существа не было строго регламентировано.

Вопреки правиламъ слово *Бог/бог* в выражении «самъ Богъ» применительно к человеку набрано с большой буквы. Почему? Нет ли здесь ошибки? Тем более что в следующемъ абзаце онтологический смысл речи восстановлен и соответствуетъ требованиямъ орфографии:

«Кто смѣетъ убить себя тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійца миллионы были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того. Не для того чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ» (Ө. Д., IX, 114—115).

Контекстъ диалога многозначен: повествователь иронизируетъ, Кирилов то обижается, то улыбається, то удивляется, то признается с предельной откровенностью:

«Меня Богъ всю жизнь мучилъ» (Ө. Д., IX, 115).

На взглядъ редактора или корректора, ситуация нелогична. Слово *бог* в заданномъ авторомъ еретическомъ значении напечатано и с большой, и с малой буквы.

Что это — недосмотръ корректора? Ошибка или умыселъ автора?

В главѣ «Ночь» второй части романа необходимость различия Бога и боговъ возникаетъ в беседахъ Ставрогина с Кириловымъ и Шатовымъ. В печатной передачѣ ихъ словъ уже нетъ путаницы в употреблении большой и малой букв.

Шатовъ пытается объяснить Ставрогину смыслъ своихъ идей — идей народа «богоносца», «русского бога» и др.

В этомъ эпизодѣ авторъ строг и последователен в своей интерпретации речи Шатова, в которой есть *Бог* и *боги*, истинный *Бог* и «новый», «особливый», «особый» *бог*, римский и русский *боги*.

Шатов допытывается у Ставрогина:

«...знаете ли вы кто теперь на всей землѣ единственный народъ «богоносецъ», грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова... Знаете ли вы кто этотъ народъ и какъ ему имя?

— По вашему приему я необходимо долженъ заключить, и, кажется, какъ можно скорѣе, что это народъ Русскій...» (Θ. Д., IX, 237).

Ставрогин не признает свою ответственность за эти мысли, которые ему, Ставрогину, известны — и даже более того: не согласен с ними.

«— Очень знакомы; я слишкомъ предвижу къ чему вы клоните. Вся ваша фраза и даже выраженіе народъ «богоносецъ» есть только заключеніе нашего съ вами разговора, происходившаго слишкомъ два года назадъ, за границей, незадолго предъ вашимъ отъѣздомъ въ Америку... По крайней мѣрѣ сколько я могу теперь припомнить.

— Это ваша фраза цѣликомъ, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключеніе нашего разговора. «Нашего» разговора совсѣмъ и не было: былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я тотъ ученикъ, а вы учитель» (Θ. Д., IX, 238).

«Ученикъ» объясняет «учителю» свое понимание его мысли о народѣ «богоносце»:

«Народы слагаются и движутся силой иною, повелѣвательною и господствующею, но происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойти до конца и въ то же время конецъ отрицающая. Это есть сила безпрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, какъ говоритъ Писаніе, «рѣки воды живой», изсякновениемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. Начало эстетическое, какъ говорятъ философы, начало нравственное, какъ отождествляютъ они же. «Исканіе Бога», какъ называю я всего проще. Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственного, и вѣра въ него какъ въ единого истиннаго» (Θ. Д., IX, 240—241).

Эстетическое и нравственное начало, осознанное как «исканіе Бога», мыслится как «исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственного, и вѣра въ него какъ въ единого истиннаго» (Там же. С. 241).

«Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственного, и вѣра въ него какъ въ единого истиннаго» (Там же. С. 241).

«Единъ есть Богъ», — такъ выразилъ идею монотеизма и известный богословскій постулатъ Державин, но, по мысли Шатова, в «исканіи Бога» отражается лицо народа, проявляется религиозное чувство, которое у каждого народа свое:

«Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было чтобъ у всѣхъ или у многихъ

народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и въра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ. Никогда еще не было народа безъ религии, то-есть безъ понятія о злѣ и добрѣ. У всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро. Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ, тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать» (Θ. Д., IX, 241).

Передача в печатном тексте устной речи Шатова соответствует требованиям орфографии.

Извращение и подмена понятий возникают в речах других героев романа.

Одни из них превращают метафору «русский бог» в идола «Русский Бог».

«Великій писатель» Кармазинов жалуется Петру Степановичу Верховенскому:

«...Простой народъ еще держится кое-какъ Русскимъ Богомъ; но Русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ и даже противъ крестьянской реформы едва устоялъ, по крайней мѣрѣ сильно покачнулся. А тутъ желѣзныя дороги, а тутъ вы... ужъ въ Русскаго-то Бога я совсѣмъ не вѣрую.

— А въ Европейскаго?

— Я ни въ какого не вѣрую» (Θ. Д., IX, 350).

Позже, узнав от Шатова, что Кирилов остался «одинъ одинешенекъ теперь во флигелѣ безъ служанки», Петр Степанович радуется удачному стечению обстоятельств в своей интриге:

«Самъ Русскій Богъ помогаетъ!» (Θ. Д., IX, 359—360).

Открывая Ставрогину заговор, он ликует:

«Русскій Богъ уже спасоваль предъ “дешевкой”. Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: “двѣсти розогъ, или тащи ведро”. О дайте, дайте взрости поколѣнію! Жаль только что нѣкогда ждать, а то пусть бы они еще попьанѣ стали! Ахъ какъ жаль что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ...» (Θ. Д., IX, 396)².

² Слова *дешевка* и *ведро* требуют пояснения. В XIX в. дешевка — обиходное название дешевых сортов водки, ведро — одна из мер ее отпуска в продаже (12 литров). Ср. в «Дневнике Писателя» за 1873 г.: «Шаткость высишихъ слоевъ общества, вѣками укоренившуюся отчужденность отъ него нашей интеллигенціи (вотъ это то самое главное) и въ довершеніе — дешовку и жида. Народъ закутилъ и запилъ — сначала съ радости, а потомъ по привычкѣ. Показали-ль ему хоть что нибудь лучше дешовки? Развлекли-ли, научили-ль чему нибудь? Теперь въ иныхъ мѣстностяхъ, во многихъ даже мѣстностяхъ, кабаки стоятъ уже не для сотенъ жителей, а всего для десятковъ; мало того — для малыхъ десятковъ. Есть мѣстности гдѣ на пол-

Отступление от орфографии разоблачает уклонения или нечестивые мысли героев.

Когда герой искренен и наивен, «русский Бог» предстает как небесспорная, отчасти сомнительная, фигура его речи. Такъ в романе «Идиот» поданы пафосные слова князя Мышкина:

«Откройте жаждущимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ “Новаго Свѣта”, откройте русскому человѣку русскій “Свѣтъ”, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое отъ него въ землѣ! Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ-быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ, и увидите какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, выростетъ предъ изумленнымъ міромъ, изумленнымъ и испуганнымъ, потому что они ждуть отъ насъ одного лишь меча, меча и насилія, потому что они представить себѣ насъ не могутъ, судя по себѣ, безъ варварства. И это до сихъ поръ, и это чѣмъ дальше, тѣмъ больше! И...» (Θ. Д., VIII, 561).

«Горячешная тирада» героя неожиданно оборвалась припадкомъ падучей.

Случайна или нетъ эта орфографическая дифференциация ключевыхъ понятій в речахъ героев, вопросъ риторическій.

Печатный текстъ в прижизненныхъ публикацияхъ произведений Достоевского не имеетъ вариантовъ написанія религиозной лексики с прописной и строчной буквы. Они есть в его рукописяхъ.

Особенности творческой работы Достоевского надъ рукописнымъ текстомъ раскрываютъ подготовительные материалы и черновики к роману.

Беловая, или наборная, рукопись третьей части «Бесовъ» хранилась в собраніи Московскаго Историческаго музея. В каталогѣ А. Г. Достоевской она стоитъ подъ первымъ номеромъ в разделѣ «Подлинныя рукописи Θ. М. Достоевскаго»:

«1. Бѣсы. Романъ. Часть третья.

Глава первая. Праздникъ.

Глава вторая. Окончаніе праздника.

Глава третья. Законченный романъ.

Глава четвертая. Послѣднее рѣшеніе.

Глава пятая. Путешественница.

Глава шестая. Многотрудная ночь.

Глава седьмая. Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича.

Глава восьмая. Заключеніе.

Въ листь, на 114 страницахъ. Въ переплетѣ»³.

сотни жителей и кабакъ, менѣе даже чѣмъ на полсотни» (Гр. 1873. 21 мая. № 21. С. 607).

³ Библиографическій указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Θ. М. Достоевскаго, собранныхъ въ «Музеѣ памяти Θ. М. Достоевскаго» въ Московскомъ Историческомъ Му-

В годы гражданской войны эта рукопись пропала, так же как и рукописи романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»⁴.

На сегодняшний день известны только записные тетради и черновые автографы третьей части романа.

В рукописном тексте этих глав постоянно возникает дифференциация прописных и строчных букв, хотя преобладает написание слова *Бог* с большой буквы.

Примеры многочисленны:

«— Я помню что тутъ что-то о Богѣ... [исторія почтенная.] Въдь вы разъ мнѣ объясняли. /Даже два раза/ Если вы застрѣлитесь, то вы станете Богомъ, /кажется/ такъ/-ли/?

— Да, я стану Богомъ.

Петръ Ст-чь /даже/ не улыбнулся; онъ ждалъ. Кириловъ тонко посмотрѣлъ на него» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/13. Л. 5).

Или:

«/— Обезьяна, ты поддакиваешь мнѣ, чтобъ меня покорить./

— Молчи, ты этого не поймешь. Если нѣтъ Бога, то я Богъ: [развѣ] /по твоему/ это можно вынести?

[— Я не понимаю почему вы то Богъ?] /— Вотъ я никогда хорошо не могъ понять у васъ этого пункта: по чему именно вы то Богъ?/

— Если Богъ есть, то вся воля его, и изъ воли его я не могу. Если [же] нѣтъ, то вся воля моя и я [долженъ] /обязанъ/ заявить мое своеволие.

— /[Ба/ Почему [же должны] /обязаны/?

— Потому что вся воля /стала/ моя. Неужели никто, на всей планетѣ, кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволие, не осмѣлится заявить всего своеволия[?], въ самомъ полномъ [его про]явлении? <Слева на поляхъ вписано: Это такъ какъ бы кто /изъ бѣдныхъ/ получить [изъ] вдругъ наслѣдство испугается и не осмѣлится подойти къ милліонамъ, считая себя недостойнымъ того. — Ред.> Я хочу заявить, пусть я одинъ /осмѣлил/ — но я заявлю.

— [Ну и] [з]/З/аявляйте.

зеѣ имени Императора Александра III. 1846–1903 гг. Составила А. Достоевская. С.–Пб. 1906. С. 1.

⁴ О поисках этих пропавших рукописей (и прежде всего «Братьев Карамазовых») см.: Красовский Ю. А. Архив Ф. М. Достоевского // Встречи с прошлым. М., 1985. Вып. 2. С. 299–307; Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 188–189; Боград Г. Л. Так где же рукопись «Братьев Карамазовых»? // Новое русское слово. [Нью-Йорк], 1996. 12–13 октября; Тихомиров Б. Н. Загадка исчезнувших рукописей «Братья Карамазовы» (факты и гипотезы) // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Современное состояние изучения. М., 2007. С. 765–796.

— Я кончилъ Бога и [поневоѣ стать Богъ] /потому обязанъ [быть] /стать/ Богомъ самъ./ я [хочу] /долженъ/ застрѣлить себя» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/13. Л. 5 об.).

Далее:

«Если нѣтъ его, то я Богъ и убью себя. /ибо безъ Бога быть не могу и самъ Богомъ быть не могу» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/13. Л. 5 об.).

«Я занимаю и наслѣдую /прежнее/ Божіе мѣсто, а стало быть я [убью] /долженъ убить/ себя; ибо безъ Бога быть не могу и самъ Богомъ быть не могу если не проявлю всего своеволія, а въ /прежняго/ Бога полною невѣрю. я убью себя пусть узнаютъ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/13. Л. 5 об.).

«Пусть я /одинъ/ созналъ что я Богъ [— стало быть] /[пусть я одинъ противъ всѣхъ — нехочу!]/ [в]/В/ыдумывать дуракамъ Бога[мъ] [и] обмановатъ /ихъ/ всю жизнь [дураковъ для комфорта], чтобъ [ѣзд] ѣздить на нихъ верхомъ, и сидѣнію моему было мягко сидѣть /на 15 лѣ/ — /нѣтъ<или я<?>>/ не хочу того.]» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/13. Л. 6).

«Сознать что нѣтъ Бога и не сознавать что самъ Богъ невозможно» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

«Я первый и убью себя, ибо я еще Богъ по неволѣ. Я поневоѣ Богъ, непременно Богъ, [а коли такъ] /и потому/ я несчастенъ, ибо обязанъ заявить своеволіе» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

«/Я уб[ью]/иваю/ себя чтобъ показать /[всю границу моего]/ своеволіе. /и /всю страшную/ свободу мою./ /[иначе чѣмъ же я докажу что я Богъ?]/» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

С религиозной точки зрения, слова «я Богъ» — атеистическая ересь: человек не есть Бог, и ставящий себя вместо Бога — самозванец.

Иной смысл имеют эти слова в оде Державина «Богъ»:

«Я царь — я рабъ, я червь — я Богъ»⁵.

По поводу толкования этого стиха Я. Грот писал в комментариях: «Городчаниновъ, находя мысль я *Богъ* слишкомъ смѣлою и трудною для объясненія, ищетъ оправданія ея въ священномъ писаніи и приводитъ тексты, которыми можно ее подкрѣпить. Въ отвѣтъ своемъ Шишковъ, соглашаясь съ этимъ, прибавляетъ, что “по силѣ воплощенія Божія содѣлываясь не только чадомъ Божиимъ, но и причастникомъ Божескаго

⁵ Державинъ Г. Р. Сочиненія : [В 9 т.] / съ объясн. примѣч. [и предисл.] Я. Грота. — СПб.: изд. Имп. Акад. Наукъ: въ тип. Имп. Акад. Наукъ, 1864—1883. Т. I: Стихотворенія, ч. 1: [1770—1776 гг.] : съ рис., найденными въ рукописяхъ, съ портр. и снимками. — 1864. С. 201. В прижизненныхъ изданіяхъ есть разночтенія. В первой публикaции оды этот стих напечатан: «Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ!» — Собесѣдникъ любителей русскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ русскаихъ писателей / Изданіе Академіи наукъ, ред. О. П. Козодавлевъ]. Ч. 13. СПб., 1784. С. 128. В собраніи сочиненій: «Я Царь, — я рабъ, — я червь, — я Богъ!» — Сочиненія Державина. М., 1798. Ч. 1. М., 1798. С. 5.

— Потому что я не вы и не могу перенести идеи что я богъ, безъ проявленія.

— [Бож] Вашего божества

— Моего божества. Если я богъ, то высочайшее своеволие. Я долженъ, я не могу не проявить моего своеволия, если сознаю себя богомъ.

Я обязанъ передъ людьми, передъ міромъ. Тогда Богъ былъ я не смѣлъ распорядиться моею жизнію. —» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 4).

Разбирая почерк Достоевского, необходимо учитывать, что в его начертании прописная буква Б всегда пишется с вертикальной линией слева сверху вниз, строчное б — с вертикальной линией снизу вверх справа.

Можно предположить, что автор писал так, как ему удобно, не задумываясь и не придавая значения прописным и строчным буквам, но этот аргумент несостоятелен. Справа в основном корпусе текста та же беседа дана в ином орфографическом оформлении, в котором слова бог и Бог в разных значениях пишутся только с большой буквы:

прот., мостъ изъ...
 — Кирилловъ и П^естръ С^{те}пановичъ, передъ смертію: Но я хочу убитъ? Вы не поймете. — Да конечно я занятъ другимъ, но я слушаю съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе что вамъ кажется очень надо говорить. — Кир^иловъ Если нѣтъ Бога, то я вправѣ прекратить жизнь и я хочу доказать что я вправѣ. — Да кто же узнаетъ? — Это ничего. — Ну а если есть Богъ? — Тогда нельзя быть властелиномъ своей судьбы.
 Ну, а если есть? [Нѣтъ] я бы желать чтобъ былъ. /Неужели? право! Такъ васъ накажутъ?
 — Богъ просвѣдѣлъ въ собственномъ дѣлѣ, что онъ, а не вы, — вы же сами въ прощаніи своемъ, когда вы говорите: «Я не могу» — Самъ собой, я не могу, а не вы.

«— Кирилловъ и П^естръ С^{те}пановичъ, передъ смертію: Почему убитъ? Вы не поймете. — Да конечно я занятъ другимъ, но я слушаю съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе что вамъ кажется очень надо говорить. — Кир^иловъ Если нѣтъ Бога, то я вправѣ прекратить жизнь и я хочу доказать что я вправѣ. — Да кто же узнаетъ? — Это ничего. Все обнаружится. — Ну а если есть Богъ? — Тогда нельзя быть властелиномъ своей судьбы.

Ну, а если есть? [Нѣтъ] я бы желать чтобъ былъ. /Неужели? право! Такъ васъ накажутъ?

Надѣюсь что нѣтъ. — Но все таки вы неувѣрены? Въ томъ-то и дѣло что Бога дѣй-стви-тель-но нѣтъ. Оттого-то я и стрѣляюсь. Если нѣтъ Бога нехочу оставаться въ этомъ мірѣ. Христосъ умеръ на Крестѣ съ мыслію о Богѣ, подшлепникъ міру.

Но однако ступайте же: я прогляжу» (РГАЛИ. Ф. 212.1.9. С. 4).

Случайны или нет эти и подобные противоречия в орфографических интерпретациях одних и тех же речей героев?

Сознательны они или бессознательны?

Странно было бы предполагать, что автор, страстно отстаивавший в споре с корректорами «лишние» или «пропущенные» запятые, не придавал значения семантике прописных и строчных букв.

Самый бесспорный аргумент в пользу сознательности творческой работы Достоевского над текстом — исправления строчных букв в рукописях. Они показывают, как в черновых записях рождался печатный текст.

Так, в сцене предсмертного диалога Кирилова с младшим Верховенским Достоевский дважды исправил личные местоимения, именовавшие Христа.

«— Всѣмъ, всѣ узнають. Ничего нѣтъ тайнаго что-бы не сдѣлалось явнымъ. Онъ сказалъ.

— И [онъ] /Кириловъ/ съ мрачнымъ восторгомъ указалъ на образъ Спасителя, передъ которымъ горѣла лампада. Петръ С-чъ совсѣмъ озлился:

— Въ *Него* то стало быть все еще вѣруете и лампадку зажгли. Ужъ не на «всякій-ли случай?» /Знаете что, по моему вы вѣруете пожалуй больше попа./

— Въ [н]Него? Слушай, остановился [Кир] [среди комнаты] Кириловъ: /неподвижнымъ изступленнымъ взглядомъ смотря [на П. С-ча,] /передъ собою// /[Слушай]/ [я ровно въ той степени не вѣрую въ прежняго Бога, въ которой онъ вѣровалъ. И не хвалюсь, а несчастливъ [отъ этого.] /этимъ/ <Знак вставки, внизу на полях вписано и зачеркнуто: [ибо безъ Бога [быть] /я/ не могу и самъ Богомъ быть не могу, если не проявлю всего своеволия]. — *Ред.*>» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 1 об.).

«Не было ни прежде ни послѣ Ему подобнаго и никогда, даже [чудо] до чуда.[,] [ибо] [в]Въ томъ /и/ чудо что не было и не будетъ подобнаго. [никогда.] А если такъ, если законы природы не пожалѣли даже и Этого, /даже чудо свое /же/ не пожалѣли, а/ заставили даже /и/ /Е/[е]го сказать ложь, /[заставили и его]/ жить [для] /во/ лжи, вѣрить въ ложь и /за нее/ умереть за ложь — то стало быть вся планета стоитъ на лжи и насмѣшкѣ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

Это незавершенный текст, но тенденции его развития очевидны.

Нередко на одной странице автор пишет по-разному: «я Богъ»⁸, «/стать/ богомъ самъ»⁹, «поневолю богъ»¹⁰, «Богъ по неволѣ» и «поневолю Богъ непременно Богъ»¹¹, «прежній богъ» и «прежній Богъ».

Случайно или нет? Где «правильно»?

Ответ может показаться неожиданным: всё верно.

Противоречия в орфографическом оформлении речи Кирилова выражают метания и смятение героя, для которого жить без Бога — мука¹².

Нигилист и заговорщик Петруша Верховенский подчеркнуто не верит в Бога, и в его речи уместен вопрос, в котором возникает извращение понятий, что выражено в провокативных искажениях орфографии («вы Богъ» и «прежній богъ»):

«/— Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется у васъ тутъ двѣ раз-
ныя причины смѣш[аны]/иваются/. Это /очень/ неблагонадежно. /Ну/
[П]/п/озвольте, ну а если / [— Ну, а если] вы Богъ? если кончилась
ложь [и] /и если/ вы догадались что вся ложь оттого что были преж-
ній богъ?» (РГБ. Ф. 3.1.1.3/14. Л. 2).

[illegible]

В ответной реплике Кирилова слова «безъ прежняго Бога» написаны в соответствии с орфографическими требованиями:

«Ибо въ этомъ видѣ, сколько я думаль, нельзя быть безъ прежняго Бога» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

[illegible]

⁸ «Если нѣтъ Бога, то я Богъ» (РГБ. Ф. 93.I.1.3/14. Л. 1).

⁹ «Я кончилъ Бога и [сталь] потому сталь обязанъ [быть] /стать/ бо-гомъ самъ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 1).

¹⁰ «Если нѣтъ его, то я поневоле богъ, непремѣнно, ибо тогда выше меня нѣтъ никого на планетѣ» (РГБ. Ф. 93.1.13/14. Л. 1 об.).

«Я первый и убью себя, ибо я еще Богъ по неволѣ. я поневоле Богъ, непремѣнно Богъ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/14. Л. 2).

¹² Ср.: «А безъ Бога жить — одна лишь мука» (РГАЛИ. Ф. 212.1.12. С. 137).

Богоборчество Кирилова выражено не столь радикально, как у младшего Верховенского. В словах самоубийцы конфликтно совмещены две орфографические парадигмы — традиционная и личная.

Вот расширенный контекст этих слов:

«— Наконец /и/ /то/ ты понялъ! вскричать Кириловъ восторженно. Стало быть можно /же/ понять /мою мысль/ если [ты] /ты/ даже /[ты одолѣлъ ея]/ понять! Понимаешь теперь что все спасеніе /для всѣхъ/ [людей] — /всѣмъ/ доказать эту мысль. Кто докажетъ? я! я не понимаю [прежняго атеиста; не понимаю] какъ мо[гъ]/[жно]/гъ/. [онъ] /до сихъ поръ атеистъ/ сознать что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ же! [Сознать что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ-же, можетъ только паршъ человѣческая, /мышь/ не стоящая быть человѣкомъ. Неужели согласиться на десять-пятнадцать лѣтъ какой-то /[жизни]/ безсмыслицы [съ тѣмъ чтобъ по] /и заняты] съ тѣмъ/ чтобъ потомъ уничтожиться, да еще такъ дорожить этой глупостью, что бы выдумыв/ать какого то Бога, [чтобъ обманывать имъ дураковъ, для того] /для дураковъ съ тѣмъ/ чтобы ѣздить на нихъ верхомъ, а сидѣнію моему было мягко сидѣть. Не хочу того.] [Для] /А потому/ Сознать что нѣтъ Бога и не сознать что самъ Богъ невозможно. /Иначе убьешь самого себя/ <Знак вставки, слева и внизу на полях вписано: Если сознаешь [тогда] ты царь и уже не убьешь себя, а будешь [убит] жить вѣчно и въ неслыханной славъ, но первый долженъ убить себя, ибо надо доказать. я первый и убью себя, ибо я еще Богъ по неволѣ. я поневолѣ Богъ непременно Богъ, [а коли такъ] /и потому/ я несчастенъ, ибо обязанъ заявить своеволіе. Всѣ несчастны, всѣ боятся заявлять своеволіе. Человѣкъ единственно потому /всю жизнь на планетѣ/ былъ несчастенъ что боялся заявлять всю границу своего своеволія. я [тоже несчастенъ,] ужасно несчастенъ, [ибо боюсь] /ибо ужасно боюсь. Страхъ это проклятіе человѣка. Но я заявлю своеволіе. я одинъ начну и кончу и дверь отвор[ю]/яю/ — *ред.*> Вотъ что я хочу доказать себѣ. [я хочу доказать себѣ что я богъ.] Доказавъ себѣ, докажу и всѣмъ. /и спасу./ Только это спасетъ человѣчество и можетъ быть въ слѣдующемъ же поколѣніи переродить его въ новый видъ физический. <Указание на вставку, слева на полях вписано: Ибо въ этомъ видѣ, сколько я думаю, нельзя быть безъ прежняго Бога. — *Ред.*> Надо только сознать, всѣмъ сознать. я сознать. Я сознать — покажи атрибутъ. [Мой атрибутъ] я искалъ атрибутъ и нашелъ: [а]/А/трибутъ божества моего своеволіе. /Это все чѣмъ я могу всего выше заявить [мою] непокорность и [свободу мою.] /новую страшную свободу мою./ я уб[ью]/иваю/ себя чтобъ показать /[всю границу моего]/ своеволіе. /и /всю страшную/ свободу мою./ /[иначе чѣмъ же я докажу что я Богъ?]/» (РГБ. Ф. 93.1.13/14. Л. 2).

Сравнение рукописного и печатного текста показывает, что нюансы авторского смысла уточнялись в беловых рукописях и в гранках.

Это неизбежный и непрерывный процесс.

Так, в данном наброске слово *своеволие* написано со строчной буквы: «/А/трибуть божества моего своеволие» (РГБ. Ф. 93.1.13/14. Л. 2).

В печатном тексте автор придал слову метафизический смысл, возводя в абсолют не личное «я», а категорию сознания:

«Я три года искалъ атрибуть божества моего и нашель: атрибуть божества моего — Своеволие!» (Θ. Д., IX, 580).

В отличие от чернового автографа, в печатной интерпретации последний диалог Кирилова и Верховенского четко разграничены прописные и строчные буквы:

«— Я помню что тутъ что-то о Богѣ... вѣдь вы разъ мнѣ объясняли; даже два раза. Если вы застрѣлитесь, то вы станете богомъ, кажется такъ?

— Да, я стану богомъ» (Θ. Д., IX, 575—576).

Ему пытается поддакивать Петруша Верховенский:

«— Обезьяна, ты поддакиваешь чтобы меня покорить. Молчи, ты не поймешь ничего. Если нѣтъ Бога, то я богъ.

— Вотъ я никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы-то богъ?

— Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие» (Θ. Д., IX, 577).

«— Я обязанъ невѣріе заявить, шагаль по комнатѣ Кириловъ. — Для меня нѣтъ выше идеи что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ что выдумывалъ Бога, чтобы жить не убивая себя; въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога. Пусть узнають разъ навсегда.

“Не застрѣлится”, тревожился Петръ Степановичъ.

— Кому узнавать-то? поджигалъ онъ. — Тутъ я да вы; Липутину что ли?

— Всѣмъ узнавать; всѣ узнають. Ничего нѣтъ тайнаго что бы не сдѣлалось явнымъ. Вотъ Онъ сказалъ.

И онъ съ лихорадочнымъ восторгомъ указалъ на образъ Спасителя, предъ которымъ горѣла лампада. Петръ Степановичъ совсѣмъ озлился.

— Въ Него-то стало-быть все еще вѣруете и лампадку зажгли; ужъ не на “всякій ли случай”?

Тотъ промолчалъ.

— Знаете что, по-моему, вы вѣруете пожалуй еще больше поа.

— Въ кого? Въ Него? Слушай, остановился Кириловъ, неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря предъ собой. — Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣроваль что сказалъ другому: “будешь сегодня со мною въ раю”. Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: этотъ человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то для

чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ что на ней, безъ этого человѣка — одно сумашествіе. Не было ни прежде, ни послѣ Ему такого же, и никогда, даже до чуда. Въ томъ и чудо что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало-быть вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало-быть самые законы планеты ложь и диаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай если ты человѣкъ?

— Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы богъ? Если кончилась ложь, и вы догадались что вся ложь оттого что былъ прежній Богъ?

— Наконецъ-то ты понялъ! вскричалъ Кириловъ восторженно. — Стало-быть можно же понять, если даже такой какъ ты понялъ! Понимаешь теперь что все спасеніе для всѣхъ — всѣмъ доказать эту мысль. Кто докажетъ? Я! Я не понимаю какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ же? Сознать что нѣтъ Бога и не сознать въ тотъ же разъ что самъ богомъ сталъ — есть нелѣпость, иначе непременно убьешь себя самъ. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ кто первый, долженъ убить себя самъ непременно, иначе кто же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непременно чтобы начать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо *обязанъ* заявить своеволіе. Всѣ несчастны потому что всѣ боятся заявлять своеволіе. Человѣкъ потому и былъ до сихъ поръ такъ несчастенъ и бѣденъ что боялся заявить самый главный пунктъ своеволія, и своеволичалъ съ краю, какъ школьникъ. Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятiе человѣка... Но я заявлю своеволіе, я обязанъ увѣрять что не вѣрую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасетъ всѣхъ людей и въ слѣдующемъ же поколѣніи переродить физически; ибо въ теперешнемъ физическомъ видѣ, сколько я думалъ, нельзя быть человѣку безъ прежняго Бога никакъ. Я три года искалъ атрибутъ божества моего и нашелъ: атрибутъ божества моего — Своеволіе! Это все чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно блѣдно, взглядъ нестерпимо тяжелый. Онъ былъ какъ въ горячкѣ. Петръ Степановичъ подумалъ-было что онъ сейчасъ упадетъ.

— Давай перо! вдругъ совсѣмъ неожиданно крикнулъ Кириловъ въ рѣшительномъ вдохновеніи; — диктуй, все подпишу. И что Шатова убилъ подпишу. Диктуй пока мнѣ смѣшно. Не боюсь мыслей высоко-

мѣрныхъ рабовъ! Самъ увидишь что все тайное станетъ явнымъ! А ты будешь раздавленъ... Вѣрую! Вѣрую!» (Θ. Д., IX, 578—580).

Во что верит отрeksiвшийся от Бога логический самоубийца, вспоминает Евангелие?

В безмерном тщеславии Кирилов сначала дерзко ставит себя вместо Бога, но сознает, что он не Бог, а человек без Бога — человек, которому нечего противопоставить Творцу, кроме отрицающего «Своеволия».

Отклонения от орфографической нормы и восстановление общих правил передают сомнения и противоречия героев, сомнения и противоречия автора в интерпретации их мнений.

Подобные орфографические коллизии возникают в определенной ситуации, в которой пребывают герои.

Шатов задает прямой вопрос Ставрогину:

«— Вы атеистъ? Теперь атеистъ?

— Да.

— А тогда?

— Точно такъ же какъ и тогда» (Θ. Д., IX, 239).

Позже сам Ставрогин допытывается у Шатова:

«...вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?

— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе... Я вѣрую въ тѣло Христово... Я вѣрую что новое пришествіе совершится въ Россіи... Я вѣрую... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я... я буду вѣровать въ Бога» (Θ. Д., IX, 243).

Блудная жена Шатова упрекает своего оставленного мужа:

«— А еще что дѣлаете? /Что проповѣдуете?/ Вѣдь вы не можете не проповѣдывать. Таковъ характеръ!

— Бога проповѣдую, Магіе.

— [Вотъ] /Въ котораго сами не вѣрите. я/ этой идеи /я/ никогда не могла понять.

— Оставимъ Магіе, это потомъ... [Прежде міръ духовный]» (РГБ. Ф. 93.1.13/11. Л. 5 об.).

Ставрогин пророчит, что идейный атеист Кирилов вскоре уверует:

«— Бьюсь объ закладъ что когда я опять приду, то вы ужъ и въ Бога увѣруете, проговорилъ онъ, вставая и захватывая шляпу.

— Почему? привсталъ и Кирилловъ.

— Еслибы вы узнали что вы въ Бога вѣруете, то вы бы и вѣровали; но такъ какъ вы еще не знаете что вы въ Бога вѣруете, то вы и не вѣруете, усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Это не то, обдумалъ Кириловъ, — перевернули мысль. Свѣтская шутка. Вспомните что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ» (Θ. Д., IX, 229—230).

Позже Кирилов переосмысливает эти слова Ставрогина, угадывая в них его, а не свою «идею»:

«— Ставрогина тоже съѣла идея, не замѣтилъ замѣчания Кириловъ, угрюмо шагая по комнатѣ.

— Какъ? наостриль уши Петръ Степановичъ, — какая идея? Онъ вамъ самъ что-нибудь говорилъ?

— Нѣтъ, я самъ угадалъ: Ставрогинъ если вѣруеть, то не вѣруеть что онъ вѣруеть. Если же не вѣруеть, то не вѣруеть что онъ не вѣруеть.

— Ну, у Ставрогина есть и другое, поумнѣе этого... сварливо про-
бормоталъ Петръ Степановичъ, съ безпокойствомъ слѣдя за оборотомъ
разговора и за блѣднымъ Кириловымъ.

“Чортъ возьми, не застрѣлится”, думалъ онъ, “всегда предчувство-
валъ; мозговой вывертъ и больше ничего; экая шваль народъ!”» (Ф. Д., IX, 577).

Верховенский раздражен Кириловым:

«...Свинство въ томъ что онъ въ Бога вѣруеть пуще чѣмъ попъ...
Ни за что не застрѣлится!..» (Ф. Д., IX, 583).

Герои Достоевского всегда пребываютъ в сомнѣніях. Их противоре-
чія являются не гармоническим равновесіем, а динамическим разви-
тіем. Они верят и не верят одновременно — не верят, безотчетно же-
лая уверовать.

Иногда «мука веры» обрекает на осужденіе и приговор.

По поводу Ставрогина Достоевский записал в подготовительных
материалах:

*«Вообще имѣть въ виду, что Князь обворожителенъ, какъ демонъ
и ужасныя страсти борятся съ... подвигомъ. При этомъ невѣріе и —
мука отъ вѣры. Подвигъ осиливаетъ, Вѣра беретъ верхъ, но и бѣсы
вѣрують и трепещуть. «Поздно!» говорить Князь и бѣжить въ Ури,
а потомъ повѣсился» (РГБ. Ф. 93.1.1.5. Л. 35).*

В подобных противоречіях живут герои Достоевского, и авторская
орфография передает их метанія и сомнѣнія.

Нельзя править Достоевского, любая унификация обедняет его текст.

В. Захаров